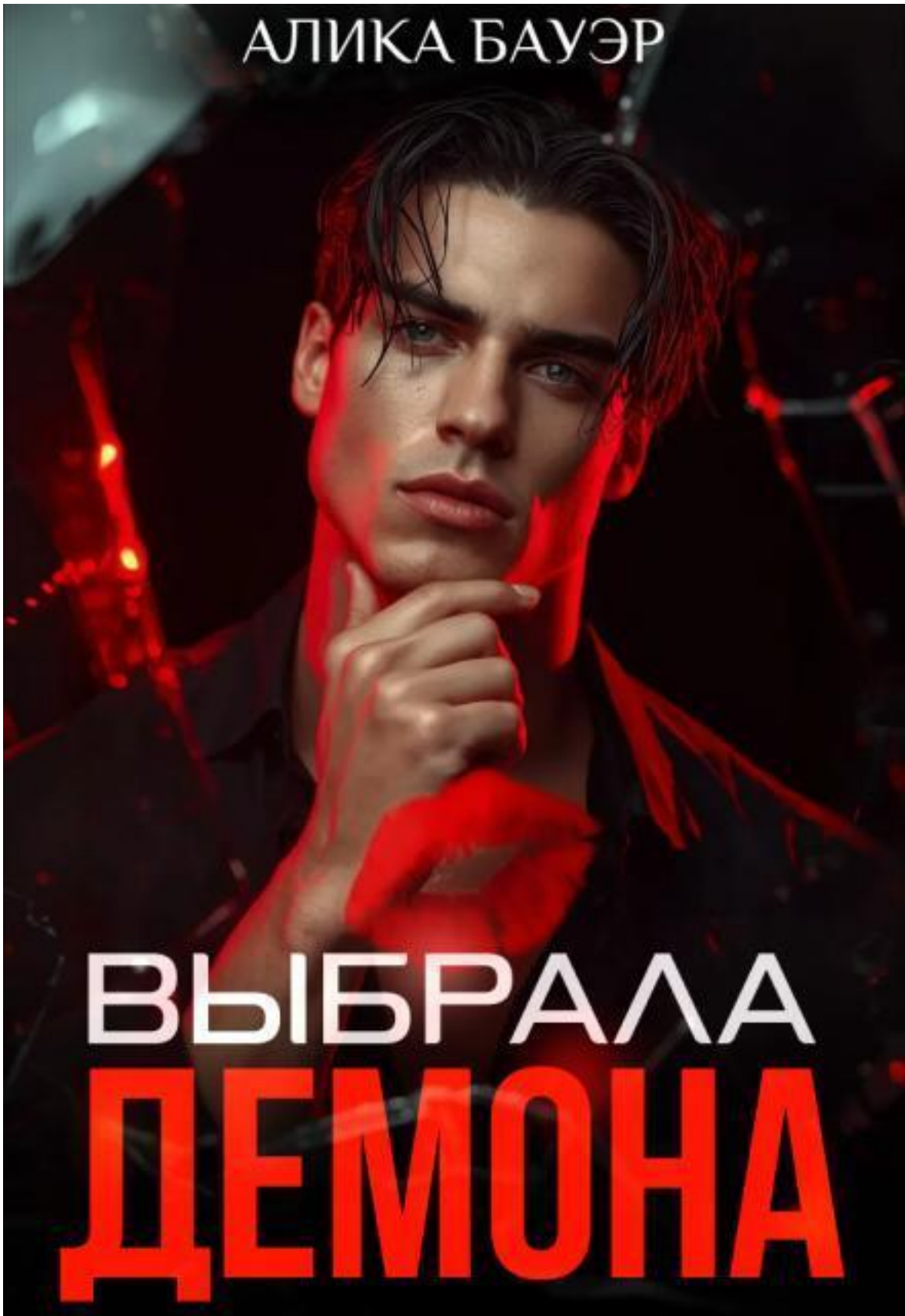




АЛИКА БАУЭР

ВЫБРАЛА
ДЕМОНА

Алика Бауэр
Выбрала Демона

«Литнет»

2026

Бауэр А.

Выбрала Демона / А. Бауэр — «Литнет», 2026

— Так это правда? — ее нижняя губа подрагивает. Вот-вот разрыдается.

— Про тебя говорят, что ты... — Мне плевать, что про меня говорят,

— обрываю ее. — Но заверяю тебя, принцесса, я намного хуже.***Мой

брат заполучил идеальную невесту. Красивую куклу для слияния бизнесов. Она вошла не в ту дверь и перепутала нас. Теперь ее губы помнят мой вкус, а глаза ищут меня в толпе. Она боится меня. И

правильно делает. Потому что я знаю, каково это — падать на дно. И

знаю, как затягивать туда других. Хочешь узнать, чем кончаются сказки,

когда в них врывается кто-то вроде меня? Тогда давай, принцесса.

Подойди ближе. И узнай, на что способен человек, которому нечего

терять.два_брата невинная_героиня не до любви разницы в возрасте плохой

признательна за поддержку новинки. Не забывайте добавлять в библиотеку,

чтобы не пропустить выпуск новых глав.Вторая часть "Влюбила

Демона"

© Бауэр А., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1	5
***	7
Визуал 1	8
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	15
Глава 5	17
Глава 6	19
Глава 7	22
Глава 8	25
Глава 9	30
Глава 10	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Глава 1

Теплая, сладкая дрожь жила где-то под сердцем, тихонько пища от радости. Пока мама вела машину по заснеженной трассе, я в миллионный раз рассматриваю фото на телефоне. Снимок был случайный, пойманный фотографом на одном из тех бесчисленных благотворительных вечеров, где мы с Владиславом иногда пересекались. Я изучила его до последнего пикселя, до тени его легкой улыбки, когда он смотрит на меня...

Владислав.

Статный, высокий, с пронзительным, будто всезнающим взглядом. Мужчина, рядом с которым мои однокурсники кажутся детками из ясельной группы. Он просто живое воплощение всего, о чем можно мечтать: умен, образован, безупречен в своих костюмах и безукоризненных манерах. После него смотреть на других было уже невозможно.

Папа хотел, чтобы наши семьи объединились. Не только активами в сети отелей «Ампи́р», но и кровью. Стали настоящей семьей. А вместе с тем его отец частенько шутил о том, что, мол, невеста для Влада подрастает.

Щеки горят, как будто я только что вышла из парной, но боже мой! Как мне нравится в этом мужчине все: его сдержанная галантность, умение поддержать разговор на любую тему, тот едва уловимый запах дорогого дерева и свежести, что я всегда чувствую, стоит ему оказаться поблизости. Рядом с ним у меня в животе вспыхивали те самые «бабочки». Робкие, восторженные, которые, к сожалению, вот уже давно томятся в ожидании.

Между нами будто бы лежала невидимая черта, которую никто из нас не осмеливается переступить. Почему-то. Я уповаю именно на нашу скромность и воспитанность, нежели на то, что в его глазах я все еще остаюсь той маленькой девочкой Беляковых. Хотя моя влюбленность успела вырасти и окрепнуть за долгие годы. И разница в тринадцать лет между нами не кажется такой уж большой.

Машина мягко заезжает на освещенную парковку перед особняком Евсеевых. Мама глушит двигатель. Теплая дрожь внутри сменяется внезапной ледяной тяжестью. Судорожно убираю телефон в клатч. Вижу, как мамины пальцы все еще впиваются руль.

— Мам? Все в порядке? Мы... всегда можем просто уехать. Нас поймут.

Мама резко смахивает слезу с щеки и поворачивается ко мне, заставив губы сложиться в натянутую улыбку.

— Что ты, детка, — она тянется, чтобы заправить мне прядь волос за ухо. — Просто... твой папа так хотел бы быть сегодня с нами.

Ее ладонь накрывает мою. В горле встал тугой, горячий ком. Не могу ничего ответить, просто киваю.

Папы нет с нами уже два месяца. Жизнь, после его смерти, разделилась на до и после. Для мамы он был не просто мужем. Он был воздухом и светом. Первые недели она не вставала с кровати, вокруг которой начинали собираться пустые винные бутылки. Единственный раз за последние месяцы, когда она выбралась из дома, были похороны.

— Мам, сегодня просто ужин. Ничего больше.

Она смотрит на меня как-то хитро и уголки ее губ дрогнули.

— Кто знает, — бросает она загадочно, хватая дверную ручку.

Нас на пороге встречает Мария Евсеева, мать Владислава, закутанная в норковую шубку. С мамой они обмениваются церемонными поцелуями в щеки, но, прежде чем впустить нас в дом, Мария задерживает мамины руки в своих, слегка сжав их. Молчаливая женская поддержка, знак того, что она понимает.

— Дамы, мои мужчины - настоящие трудоголики, еще на пути домой, — говорит она так, словно поет. — Но они уже спешат. Проходите на кухню, я откупорю бутылочку «Амароне». Согреемся.

— Я присоединюсь позже, — обещаю, направляясь к гостевой уборной.

Брызгаю на виски и шею ледяной водой. Внутри все пылает от противоречия: жуткого страха и сладкого предвкушения.

Мы не виделись с Владом с похорон. Тогда, в черном платье, с лицом, опухшим от слез, я была лишь тенью самой себя. А сегодня... сегодня я хотела быть женщиной, которую он наконец-то увидит. По-настоящему. Пальцы дрожат, когда я дотрагиваюсь до тонкой цепочки на шее с одной единственной жемчужиной. Его подарок на мое последнее день рождения. На мое двадцатилетие. Поправляю идеальные локоны, наношу блеск для губ. Глаза брюнетки в отражении зеркала блестят от волнения.

Выйдя в коридор, я уже собираюсь идти к кухне, как вдруг улавливаю звук. Негромкий, томный. Саксофон. Джаз. Он доносится откуда-то справа, из-за полуприкрытой двери, за которой струился теплый, желтый свет. Сердце екает. Я подхожу ближе.

В голове мгновенно вспыхивает и горит догадка. Его комната. Это точно не похоже на супружескую спальню. Знаю, что Владислав живет отдельно, но здесь, в родительском доме, должно было остаться его личное пространство.

Любопытство оказалось сильнее голоса совести. Переступаю порог. Каблук тонет в мягком ворсе ковра. Минимализм. Много черного, темного дерева, стали. В воздухе смесь сигарного дыма. Не замечала ранее, что он курит. На массивном столе рядом с ноутбуком стоят стаканы с остатками алкоголя. Постель смята, одеяло сброшено на пол.

Это так непохоже на того аккуратного, педантичного Владислава, которого я знала.

Подхожу к стеллажу, уставленному не книгами, а коллекцией виниловых пластинок и дисками. Пальцы скользят по ребрам конвертов, пластику.

И вдруг я чувствую тепло. Оно возникает со спины внезапно, наполнив пространство вокруг меня электрическим напряжением. Внутри все замирает, а потом срывается в бешеный танец. Бабочки взметнулись, ударившись о ребра.

Едва успеваю обернуться, как *его* губы врезаются в мои с такой силой, что почва за секунду уходит из-под ног.

Дорогие мои, добро пожаловать в мою новинку! Будет ярко, горячо и дико интересно! Проверьте, что книга у вас в библиотеке, чтобы не пропустить выпуск новых глав.

Это роман о выборе между безопасностью и страстью, между долгом и желанием. О том, что даже в идеальной картинке есть трещины. И что иногда самый страшный кошмар становится единственным спасением.

Дорогие читатели, ваше внимание:звезды, библиотеки, комменты, очень вдохновляют моего муза.

Визуал 1

Ева

Глава 2

Мир вокруг плывет и растворяется до вкуса его губ, влажных и решительных, ворвавшихся в мою реальность и перевернувшую ее. На кончике языка оседает аромат темного шоколада и чего-то крепкого, пряного. Виски? Мысль ускользает, растворяясь в густом сиропе ощущений.

Мои руки несмело ложатся на его плечи. Ноготки впиваются в горячую кожу. Слышу его низкий стон, что вибрацией передался от его губ к моим, отзываясь глухим гулом где-то в самом низу живота.

Господи... Это слишком. Это за гранью.

Под ладонями живое напряжение мышц. Он без рубашки... Обнаженный, горячий торс прижимается ко мне. Сознание плывет, уступая потоку животной истерики восторга.

Все прекращается так же быстро, как и началось.

Жар отступил. Давление губ исчезло.

Замираю с закрытыми глазами, отчаянно цепляясь за призрак ощущений, не желая возвращаться. Еще секунду. Хотя бы секунду побыть в этой пьянящей, долгожданной сказке.

— Детка, все круто, но тебе правда пора валить.

Голос, который звучит надо мной, разбивает эту сказку вдребезги.

Он хрипловатый, насмешливый и абсолютно, до мозга костей *чужой*.

Внутри все рухнуло. И трепет, и жар, и сладкая дрожь. На смену им пришли ужас и стыд.

Заставляю себя открыть глаза. В ту же секунду чья-то рука сует мне в скромное декольте платья пятитысячные купюры. Кожу обжигает. С отвращением, будто сбрасываю себя паука, дергаюсь, вытряхивая деньги. Часть падает на пол, остальные летят прямо ему лицо.

Как мерзко.

И только тогда, подняв взгляд, я вижу его.

Не Влада.

Совсем другого мужчину.

Молодой. Темные, почти черные волосы, мокрые пряди которых падают на лоб. Влажное от недавнего душа тело. И глаза... Холодные, светлые, как дымчатый кварц. Они смотрят на меня без страсти, а с нагловатым, изучающим удивлением. Резкие черты лица, мощный подбородок, густые темные брови. Одна из них поползла вверх.

— Мало? — спрашивает он, и в его голосе заплескались язвительные искорки.

Мотаю головой, не в силах вымолвить ни слова. За кого он меня принял?

Взгляд скользит вниз. По его груди, покрытой татуировками. По бицепсам, обвитым продолжением узора. Блеск металла. В правом темно-розовом соске прокол – небольшое колечко. Глаза опускаются ниже к темной дорожке волос, уходившей под белое полотенце, небрежно накинутое на бедра.

Да я же нагло пялюсь... Пялюсь, как замороженная. Но что поделать? Я в жизни мужских тел такого качества и откорма ранее не видела.

Незнакомец замечает мой взгляд. Уголок рта дрогнул.

— Так и скажи, что еще хочешь, — он делает шаг вперед, и пространство между нами, словно по щелчку, наполняется напряжением с тем самым привкусом горького шоколада. Теперь я понимаю, что это мужской гель для душа. Кажется, я и сама им пропахла.

— Не подходи ко мне! — отпрыгиваю назад, больно ударившись поясницей о край стеллажа.

Он прищуривается, всматриваясь в мое лицо. В этот миг из коридора донесся голос:

— Ева!

Владислав. Сердце бешено заколотилось, смешав облегчение с новой волной паники.

— Я здесь! — кричу, прижимаясь к стеллажу, боясь пошевелиться, будто любое движение могло бросить меня обратно в лапы этого незнакомца.

Дверь распахнулась, и в проеме возникает Влад. И сразу, будто щелчком выключателя, с меня спадает гипнотический страх. Выдыхаю, чувствуя, как дрожь в коленях сменяется знакомой слабостью от его присутствия.

Мой спаситель. Мой принц. Мой герой.

— Так это твоя телка? — раздается грубый голос. Черноволосый незнакомец бесцеремонно тыкает пальцем в мою сторону.

Да что он себе позволяет? Со мной в жизни так никто не разговаривал.

Только вот от паники, от ситуации, что со мной происходит впервые в жизни, язык будто к небу прилип.

Влад входит в комнату, и его лицо, обычно бесстрастное, искажает гримаса ярости. В жизни его таким не видела.

— Это не «телка», — шипит он. — Это Ева Белякова.

Губы незнакомца растягиваются в улыбке.

— О, принцесса Белякова! Рад знакомству, — от тянет мне руку. Крепкую с татуировкой глаза на тыльной стороне ладони. Эта самая рука засовывала мне в бюстик деньги. Грязные деньги. Смотрю на нее, как на что-то ядовитое. Увидев мой взгляд, он усмехается и убирает руку. — Но мы, кажется, уже... познакомились достаточно близко.

В голове набатом бьют сигналы SOS.

Он расскажет... Он прямо сейчас все расскажет!

— Все в порядке? — спрашивает Влад, обращаясь уже ко мне.

Киваю, все еще не в силах говорить. Мне дико хотелось кинуться к нему, спрятать лицо у его груди, но мысль о том, что мои губы только что принадлежали другому, топила стыдом. Я буду гореть в аду...

— Ты бы оделся, — холодно бросает Влад, оценивающим взглядом скользнув по фигуре незнакомца в полотенце.

Тот цокнул языком, демонстративно разворачиваясь спиной. И одним резким движением сдергивает с себя полотенце.

Невольно ахаю, зажмурившись, но картинка... Упругий рельеф спины, сужающейся к талии, и две идеальной формы мужские ягодицы, уже навсегда отпечатались на сетчатке.

— Рус!

— Извини, что как нормальный человек принимаю душ голым, — он берет боксеры и неспеша надевает. — А вы все еще в моей спальне. Какого хрена.

Влад, крепко взяв меня под локоть, выводит из комнаты.

— Прости, — говорит он, быстро ведя меня по коридору, подальше от того места. — Мой брат невыносим.

Киваю, стараясь совладать с кашей в голове, с дрожью в ногах. Шаг, второй. Мне просто надо убраться от этой комнаты подальше. Мы прошли уже несколько метров, и до меня, наконец доходит смысл его слов.

Останавливаюсь, как вкопанная, заставив его сделать тоже самое.

— Брат? У тебя... есть брат?

Глава 3

— Почему ты никогда не рассказывал, что у тебя есть брат? — мой голос звучит резче, чем я планировала. Словно я предъявляю претензию.

Владислав лишь усмехнулся, уголок его губ приподнялся в той самой безупречной, отработанной улыбке, которая обычно меня обезоруживала.

— В каждой семье есть свой изъян, — произносит он спокойно, даже небрежно.

В голове не укладывается.

Наши отцы были партнерами долгие годы. Я буквально выросла в этом доме, среди этих стен. Да, друзьями-не разлей вода их не назовешь. Скорее, хорошими приятелями, связанными бизнесом. И получается, что приятели приглашают друг друга на ужины, но не считают нужным упоминать об еще одном ребенке? Хотя я уже во всех подробностях видела, что этот Руслан давно уже не ребенок.

— Но он - часть твоей семьи! — продолжаю упрямо настаивать. — Мы столько лет... Я столько лет тебя знаю, бывала здесь. И никто. Никто, никогда ни словом. Как будто его не существовало.

Влад делает плавный шаг ко мне. Его прохладные пальцы скользят по моей руке, пока не находят мою ладонь. Он сжимает ее. Нежно, но крепко.

— Моя милая, Ева, — его голос опускается до бархатного шепота, того самого, от которого по коже бегут мурашки и в животе просыпаются те самые бабочки. Это достаточно, чтобы погасить мое возмущение. — Мой младший брат - совсем не та тема, о которой стоит распространяться. Он... нежеланный гость в этом доме. Он однажды сделал свой выбор. Грязный, криминальный путь, поэтому лучше держишь от него подальше.

Владислав снова повел меня за собой по коридору.

— Криминальный? — шепчу, едва поспевая за его широким шагом. — Он... бандит?

— Утверждает, что завязал. Но бывших бандитов, не бывает. Эту грязь не смыть.

— А чем он... конкретно занимался?

Влад резко останавливается и разворачивается ко мне.

Заметно, что этот разговор начинает его выводить из себя. Тонкие морщинки у глаз, жесткая линия сжатых губ. Я наконец-то вижу сильную эмоцию, которую хотела в нем вызвать. Только вот я надеялась на страсть, а получила раздражение.

— Ева, — его голос теряет бархатность. — Руслан все еще может представлять опасность для того, кто свяжется с ним. Он не стоит ни твоего внимания, ни твоего беспокойства. Понятно?

Вечер тек размеренно. Я почти забыла о неприятном инциденте, погрузившись в уютную атмосферу семейной идиллии. На столе много разнообразных морепродуктов, восхитительное вино.

В глубине души я, конечно, надеялась, что «кое-кто» так и не появится на ужине. Желания узнавать Руслана ближе у меня не возникло. Ни капли. Но он и правда появился, весь в черном, скрывая каждый сантиметр своей татуировки. Кроме одной – глаза на тыльной стороне ладони. Он не вклинивался в наши разговоры, но слушал внимательно. К еде особо не притронулся, как и к вину из своего бокала, сделав максимум два глотка за все время.

Я не из тех девушек, что тянутся к запретному плоду. Да и плод тот - сомнительный. Опасный. Возможно, гнилой изнутри. Красивый лишь для того, чтобы добыча, ослепленная внешним блеском, сама шла в пасть.

То ли дело его старший брат.

Влад был бесподобен. Остроумный, легкий, блистательный. Я ловила каждое его слово, каждую интонацию, слушала, затаив дыхание, чуть ли не приоткрыв рот от восхищения. Время от времени наши взгляды встречались, и я первая, смущенно краснея, отводила глаза.

Я тосковала по нему эти месяцы, по чувству, что испытывала, находясь только рядом с ним.

Вечер был бы безмятежным, почти совершенным. Если бы не одно «но».

Место за столом, которое всегда выбирал папа, пустовало.

Я незаметно следила за мамой. Она держалась. Улыбалась, кивала. Если бы только не скорость, с которой опустошался ее бокал. Надеюсь, остальные этого не замечают. Но я-то видела. Видела, как ее смех становился чуть слишком громким, а глаза стеклянными. Главное, что сейчас мама смеется. А с остальным мы справимся.

Разговор шел о погоде, о планах, о пустяках. Пока не коснулся бизнеса. Сети отелей «Ампи́р». Мама будто сдулась. Плечи опустились, улыбка сползла, как маска.

— Я почти ничего не понимаю, о чем вы говорите, — вдруг вырывается из нее, и она с нервным жестом швыряет на колени измятую салфетку. — Я человек искусства. Все эти цифры, договоры, акции... для меня это темный лес.

Моя мать в прошлом профессиональная фигуристка. Олимпийская чемпионка. Двукратная чемпионка мира. Чтобы перечислить все ее титулы, описать каждый сверкающий кубок на почетной стене в нашем доме, потребуется не меньше часа. Последние четверть века она отдала тренерской работе, лепила из девочек чемпионок. Но после смерти папы все рухнуло. Она завязала. Надеюсь, это лишь временная, вынужденная, передышка.

Она никогда не касалась гостиничной империи отца, не вникала в его бизнес. И теперь груз ответственности, свалившийся на ее хрупкие плечи, вызывал у нее панику. По правде, и у меня тоже, но я пыталась сохранять голову холодной и не поддаваться эмоциям.

— Ангелина, вы всегда можете рассчитывать на нас, — говорит Иван Евсеев, глава семьи. — Виктор был нам... не чужим человеком.

— Спасибо, дорогие мои, — мама промакивает уголки глаз, но слезы снова подступили, придавая ее голосу легкую хрипотцу. — Но я в ужасе. Я не знаю, что делать с этим бизнесом! Я в жизни не распоряжалась такими деньгами и не несла ответственности за такое количество людей. А Ева... Ева только начала учиться гостиничному делу. Она еще сама дитя, ей нужна опора, а не необходимость тащить на себе свою непутевую мать-гуманитария!

Мама опрокидывает в себя остатки вина, потом решительно наливает себе еще, и снова выпивает одним глотком.

— Мам, — тихо пытаюсь, но мой голос тонет в тяжелом молчании.

— Ангелина, не тревожьтесь, — вдруг раздается спокойный, уверенный голос Владислава. Все взгляды обращаются к нему. — Я хочу взять на себя эту ответственность. Заботу о вашей дочери.

За столом воцарилась тишина, настолько гулкая, что, можно было услышать приятный треск поленьев из камина. Даже столовые приборы замерли. Все сейчас слышат бешеный стук моего сердца?

Я в панике смотрю на Владислава. Он кажется... довольным?

Но его слова действуют на маму как хорошая доза успокоительного. Ее всхлипывания прекратились, плечи расправились.

Вот только я теперь далека от спокойствия.

— Это, правда, представлялось немного иначе, — продолжает Влад, —но, думаю, момент идеальный.

Он встает, заходит за угол и через несколько ударов моего обезумевшего сердца возвращается. В его руках огромный, ослепительный букет белых роз.

Владислав подходит ко мне, лишая меня чувств и почвы под ногами. Замираю, не в силах пошевелиться, глядя на него растерянно и на маленькую черную бархатную коробочку, которую он держит в другой руке.

Этого не может быть. Это сказка. Мираж. Я, наверное, сплю. Но, пожалуйста, никогда не будите меня.

— Ева, — его голос теплый, как и улыбка, как и глаза, с которыми он смотрит на меня, вставая на одно колено. — Позволь мне стать твоей опорой, твоей защитой, твоим плечом на всю жизнь. Выходи за меня.

Коробочка открывается с щелчком. Внутри, на черном бархате, лежит кольцо с огромным, холодным бриллиантом.

Я тону в замешательстве, не веря происходящему.

Сказка. Сон. Другого объяснения нет.

Кто-то может сказать, что на моих глазах огромные розовые очки, я же — просто расмеюсь в лицо этому человеку, потому что вся моя жизнь такая. Воздушная, легкая, сладкая, как сахарная вата. И только неожиданная смерть отца окрасила ее в серый. И вот, сейчас, все возвращается на места.

Мой взгляд пробегается по лицам сидящих: сияющая Мария Евсеева, кивающий Иван, моя мама... Мама сидит с совершенно стеклянным, ничего не выражающим взглядом. На ее ресницах застыли слезы.

Все улыбались. Кроме одного.

Руслан. Он не улыбался. Он усмехался. Тонкая, ядовитая усмешка на его губах, заставила меня почувствовать какой-то холодок внутри. И я бы плевала на эту усмешку, если бы не заметила в его пальцах, перебирающих как четки, тонкую золотую цепочку. Мою цепочку. Ту самую, с жемчужиной. Инстинктивно я тянусь к своей шее. Она пуста.

Вот же... Демон!

И почему он смотрит на меня так? Словно собирается всем рассказать о том, что произошло в его спальне. Прямо здесь, за столом. Но это же не я набросилась на него! Хотя... кто знает, как он все обставит. От такого человека можно ожидать чего угодно. Например, что он без зазрения совести, а только ради своего удовольствия, захочет испортит самый лучший момент в моей жизни.

Но я не позволю. Не позволю ему разрушить мою сказку.

— Ева? — мягко, но настойчиво зовет Влад, возвращая меня в реальность. — Что скажешь?

— Да! — вырывается. — Конечно, да!

Бросаюсь ему на шею, утопая в аплодисментах, в запахе роз, в его знакомом, дорогом, любимом аромате. Цепляюсь за него, как за свою мечту, стараясь не видеть через его плечо тот холодный, насмешливый взгляд.

У меня вышла новиочка!

в тексте есть: обаятельный грек, острая на язык героиня, фиктивный брак

<https://litnet.com/shrt/ne19>

— Ты сейчас серьезно предлагаешь выйти за тебя?
 — Для тебя это интересный опыт. Для меня — восстановление репутации.
 — Это абсурд. Между нами ноль процентов химии.
 — Так давай притворимся.

 Когда твой лучший друг, с которым вы не виделись почти десять лет, делает тебе предложение, первая мысль: это розыгрыш.
 Денис Астериадис — блестящий акушер-гинеколог, привыкший быть лучшим. Его имя всегда было синонимом профессионализма и доверия. Пока один грязный скандал не разрушил

все.
 Теперь его репутация висит на волоске. А единственный способ ее спасти — фиктивный брак.
 Но чем чаще нам приходится притворяться влюбленными, тем труднее понять, где заканчивается игра

Глава 4

Руслан

Затягиваюсь сигаретой посильнее. Легкие приятно расширяются, а в голове проясняется. Парадокс: никотин вызывает спазм, но именно после второй подряд выкуренной сигареты мне становится легче дышать впервые за весь этот вечер. Кажется, дым вытесняет из меня ту приторную сладость, что витает в доме.

Смотрю через стеклянную дверь на гостиную. Там все буквально светятся от счастья, накинувшись на будущих жениха с невестой со своими поздравлениями. Слишком сладкие, словно их медом обмазали.

Иван похлопывает Владика одобрительно по плечу. Да, братец, не ожидал. Маменька обнимает и пытается привести в чувства Ангелину, которая уже начала захлебываться своими слезами. Ева, смущенно улыбаясь, стоит чуть поодаль прижав к груди букет белых роз, который на ее фоне кажется просто безумно огромным. Кажется, если сделает один неверный шаг, то завалится куда-то прямо вместе с ним.

Ева Белякова... Точнее, теперь уже скоро Евсеева.

В последний раз мы виделись, когда мне было лет пятнадцать. Я переживал свои наилучшие бунтарские годы и на дух не выносил, когда в дом приходили гости. Мешало тайком проводить девчонок в свою комнату. В тот день меня жестко спалили и заставили сидеть со «взрослыми» за столом, слушать, как малышка Ева собирается в первый класс какой-то элитной гимназии.

Родители в ней души не чаяли. От их речей об идеальной дочери, моим ушам хотелось свернуться в трубочку и отвалиться. Слишком приторно. Словно речь шла не о ребенке, а о самом совершенном создании на планете. И на скрипке играет, и на танцы ходит, и крестиком вышивает. От нескончаемого перечисления её детских побед мне хотелось завывать от скуки.

Может она еще и в космос полетит?

Эту шутку, к слову, за столом не оценили.

Девчонка, как девчонка. Жидкие темные волосики в два хвоста, глаза, как блюдца. Миленькая. Но разве не все дети в этом возрасте такие? Владик, тогда уже здоровый детина, кажется, от нее без ума. Катал принцессу Беляковых на спине, а та пищала от восторга. Снова пошутил что-то про свадьбу этих двоих, а родители, почему-то приняли все буквально. Но меня из-за стола выгнали. Чего я и добивался.

Но, видимо, шутка действительно в какой-то момент перестала быть просто шуткой.

Сейчас она кидает на братца взгляды украдкой, а тот, когда на ее радость ловит один из них, тепло улыбается. Принцесса смущается, краснеет, отводит глаза. Трогательно. Щас стошнит, ей-богу.

Серьезно? Это и есть те чувства, ради которых люди связывают себя узами брака? Где, вашу мать, страсть? Где хоть капля настоящего огня? Ладно, эта девочка - божий одуванчик, еще явно никем не тронутый. Но Влад... Братец разменял уже четвертый десяток. Скоро седые волосы из носа полезут, а он ведет себя как сопливый мальчишка в пубертате, играющий в рыцаря. Знал бы Владик, какая его невеста ласковая и горячая, если к ней подступиться без этих дурацких реверансов... Да он бы давно уволок эту принцессу к себе в спальню, а не церемонился с букетами и театром при гостях.

Отворачиваюсь от картины семейного идиллия, в которую явно не вписываюсь. Терплю я их, так же, как и они меня, только ради маменьки. Она считает, что так будет «правильно».

Выдыхаю в ночной воздух густую струю дыма, одновременно перебирая между пальцев тонкую золотую цепочку с жемчужинкой. Она холодная и почти невесомая.

Ну точно, оно.

Что же ты, Владик, даришь своей невесте украшения из мусорного ведра?

Смотрю на перламутр, вспоминая, как точно так же разглядывал его в магазине, а потом дома, перед тем как отправить в корзину. Девушка, для которой я его купил, выбрала другого. И правильно сделала. Беречь украшение для следующего «удобного» случая казалось мне аморальным. Хлам есть хлам. Поэтому оно без сожаления отправилось в мусорное ведро.

— Жиру бесишься? — Владик кидает взгляд на брендовую коробочку и хватается за ключи от машины с журнального столика.

Пожимаю плечами.

— Если надо, забирай.

Просто так ляпнул. А он вдруг остановился, секунду замешкался и достал выброшенный подарок. Изучил содержимое. Пробубнил что-то вроде «Не успеваю» и, захлопнув коробочку, положил ее к себе внутренний карман пиджака.

И вот мы снова встретились. Жемчужинка и я.

Делаю последнюю затяжку, ощущая, как никотиновый удар бьет в голову, притупляя раздражение. Тушу окурок, вдавливая его в пепельницу с такой силой, будто это чья-то глотка. Цепочку убираю в карман джинс.

За спиной раздается вежливое, нарочито громкое покашливание.

Драматично. Это интересно.

Поворачиваю голову и вижу: на балкон пожаловала сама Ева, без пяти минут Евсеева.

Глава 5

Руслан

Осанка - будто аршин проглотила, подбородок задран так, что видна тонкая, бледная линия шеи. А в глазах... в глазах - вызов. Смешной, детский, но все же вызов. На плечи накинута легкий полушубок, который ее не особо спасает. Но девочка сжимается изо всех сил, пытаясь доказать, что ей ни капельки не холодно. Храбрится. Передо мной. Забавно.

Выгибаю вопросительно бровь. Давай, принцесса, порадуй.

— Мне кажется, мы не с того начали, — вкидывает она со всей серьезностью, на какую только способна эта маленькая птичка. — Меня зовут Ева. Ты Руслан, правильно?

Усмехаюсь, откидываюсь на перила.

— Уже пытаешься играть в роль хозяйки? В аля-жену?

Пожалуй, слишком резко. Но меня бесят эти ее манеры. Будто мы на светском рауте, а не на темном балконе после того, как я запустил ей язык в глотку.

— Считаю, что нам следует познакомиться как подобает.

Пожимаю плечами.

— Меня вполне устроило наше знакомство. Принял тебя за свою шлюху. Бывает.

Даже и не думаю извиняться. Если бы она не пришла без спроса в мою спальню, то сейчас ей бы не пришлось так подбирать слова при разговоре.

Девчонка поджимает губы. На щеках моментально вспыхивает румянец. Это видно даже в темноте. Ей требуется время, пару секунд, но каких... чтобы взять эмоции под контроль и прогнать воспоминания о моих губах на ее.

— Я надеюсь... — она делает глубокий, прерывистый вдох, — ты не расскажешь Владиславу об этом недоразумении?

— Не планировал.

Ева в этот момент она расслабленно выдыхает. Она вообще дышала все это время? Ее реакция забавляет. А если что-то меня забавляет, то становится трудно оторваться. Остановиться вовремя почти нереально.

— Если только это что-то не значит для тебя.

И ее большие, и так круглые глаза, округляются ещё больше, наливаются настоящим испугом.

— Поиздеваться решил?

— Почему нет? Братец давно в курсе, какой я мудака. Проверим, насколько он доверяет своей невесте.

Она бледнеет. Каменеет. В глазах паника, чистая, неразбавленная. Ей настолько важно, что о ней подумают? Или важно, что подумает именно Влад? Неужели их хрустальный замок настолько шаток, что один мой плевок может его размыть? А впрочем, не мое дело.

— Да расслабься, — тяну, видя, что ещё секунда и она грохнется в обморок от натуги. — Я не стану этого делать.

— Спасибо, — говорит быстро и будто бы искренне. Ева делает медленные шаги вперед, подходя ближе к перилам. — И еще, я бы хотела вернуть свою цепочку.

— Цепочку?

Кивает.

— Которую обронила у тебя в комнате, — она вытягивает ладонь, в ожидании возврата своей потери.

Этот тепличный цветочек совсем не знает, что такое отказ. Родители с детства ее баловали, холили, лелеяли. Окружали только лучшим, делая ее жизнь таковой. Легкой, доступной. Принцессе Беляковой всегда все доставалось легко. Возможно, ей даже никогда не приходи-

лось говорить для этого «пожалуйста», в то время как я в ее возрасте совершил первое ненамеренное, но все же убийство. Гордится нечем, но я знаю какой жизнь бывает на вкус. Все ее оттенки. Её грязь и её боль. Для нее же настоящая трагедия и невероятное приключение за всю ее недолгую жизнь — это поцелуй не с тем мужчиной.

Теперь я понял, что именно меня забавляет в ней.

Со стороны гостиной нас не видно. Только смутные силуэты в ночи. Поэтому ближе подхожу к девчонке. Она хочет отступить, отвоевать свое личное пространство, только позади нее лишь дерево широкого подоконника.

— Это? — игриво достаю из кармана ее цепочку, и только Ева успевает потянуться за ней, тут же отдергиваю. — А нет, принцесса, не так просто.

— Ева, — перебивает она меня, — меня зовут Ева.

— Ева, — специально тяну, смакуя на языке каждую букву ее имени, приближаясь. — Поцелуй меня.

Между нашими лицами сантиметров десять, не больше. Ее глазки от испуга блестят. Дыхание сбилось. Чувствую ее быстрые, прерывистые выдохи своим губами и аромат сирени. Тонкий, не приторный. Втягиваю носом побольше воздуха, поворачиваю голову чуть в бок. Это приятно. А девчонку трести начинает.

Она бросает взгляд на мои губы.

Правда решится? Предаст Владика ради какой-то побрякушки, подаренной им?

Ох, принцесса... Это так низко. Так порочно. Целоваться с братом своего жениха в темном углу. И я пью этот миг ее слабости, ее борьбы. Наслаждаюсь им, медленно сокращая расстояние ещё на пару сантиметров. Вот уже чувствую тепло ее кожи.

— Нет!

Останавливаюсь. Замираю. Чуть отстраняюсь, чтобы лучше разглядеть ее лицо. Глаза горят, губы сжаты в тонкую, решительную линию. Ни страха, ни мольбы. Отказ. Чистый и четкий.

— Нет? — переспрашиваю, не веря своим ушам.

— Нет.

— Что ж, — равнодушно пожимаю плечами, закуривая новую сигарету. Отталкиваюсь от перил и запускаю цепочку в сторону леса. Та летит несколько секунд и утопает в высоких сугробах. Может быть, по весне и найдется.

— Что ты... — она задыхается, смотря на ночное небо. — Что ты наделал?!

— Ты сделала свой выбор, а мне этот хлам не нужен.

В её взгляде что-то ломается и собирается заново. Вижу не просто разочарование или боль. Вижу страх - да. Но ещё вижу... брезгливость. Глубокую, непреодолимую. Ту самую, которой смотрят на что-то грязное, недостойное. Она смотрит на меня, и я понимаю: для неё я — та самая грязь.

Куда мне до старшего брата, который дарит своим бабам ювелирку из мусорки.

— Так это правда? — ее нижняя губа подрагивает. Вот-вот разрыдается. — Про тебя говорят, что ты...

— Мне плевать, что про меня говорят, — обрываю ее, выпускаю дым ей прямо в лицо. Она морщится, отшатывается. — Но заверяю тебя, принцесса, я намного хуже.

Разворачиваюсь и ухожу с балкона, оставляя ее одну в холодной темноте, с ее разбитой сказкой и зарождающимся, едким осадком правды на языке. Пусть переваривает.

Глава 6

Ева

Кажется, даже дышать становится легче после того, как Руслан возвращается в дом к остальным.

Хватаюсь за холодные перила, делаю глубокий, дрожащий вдох, смотря в черный провал сада, где бесследно исчезла моя цепочка.

Что мне сказать Владу, если тот спросит, почему я не ношу его подарок? Мысль колотится, как перепуганная птица. Я же даже соврать правдоподобно не смогу!

Я может быть и наивна, но все же привыкла в людях видеть что-то хорошее. И мне это удавалось. Правда! Даже во вредной кассирше из супермаркета, что взяла за привычку грубить каждому покупателю, можно обнаружить невероятно огромную любовь к собственным детям, а её ворчливость - это следствие усталости и тысячи мелких бытовых обид.

Но Руслан... Похоже, я готова сделать исключение из собственного правила и убеждения. Несмотря на то, что мне о нем рассказал Влад, я была уверена, что смогу найти с его братом общий язык. Нейтральный, цивилизованный. Даже несмотря на случившееся несколько часов назад. В конце концов, это было недоразумение.

Мне пришлось буквально перешагнуть через себя. Подошла мириться первой. И что получила взамен? Сплошное хамство, ядовитую насмешку. Ну уж нет, я не позволю ему так со мной обращаться. Я его не боюсь. Пусть Влад и говорил, что его брат бандит, но, по правде говоря, верится в это с трудом. Стала бы их семья пускать в свой дом человека, всерьез связанного с криминалом? Нет, это просто дурная репутация, плод его дикого поведения.

Но от этого Руслана и вправду веет чем-то темным. Сейчас на балконе он не дотронулся до меня и пальцем, но ощущение такое, будто на мне остался не только запах его шоколадных сигарет. Он смотрел на меня так... будто ему дозволено все. И даже больше. Будто я не человек, а любопытная вещь, которую можно повертеть в руках, а потом швырнуть прочь. В жизни не встречала более высокомерных людей, а думала, что моих одноклассников-мажоров уже никому не переплюнуть. Как же я ошибалась.

Руслан он... опасен для меня. И не потому что этот мужчина может сделать мне как-то физически больно, а потому что рядом с ним в голове возникают странные, сбивающие с толку мысли. Те, которые раньше я лишь изредка позволяла себе по ночам. И речь не о влечении. Боже упаси! Только не к нему! Но когда он смотрит, складывается ощущение, что он видит тебя насквозь. Шарится по самым потаенным, невысказанным, нескромным воспоминаниям, выуживая на поверхность самое сокровенное, неправильное, с оттенком порочности. Он будто знает, как громко стучит твоё сердце, и смеется над этим.

Если этот человек не сам дьявол, то точно один из его помощников. Демон, одним словом.

Смотрю на свое кольцо. Даже в скупом свете, падающем из гостиной, бриллиант блестит так, что с точностью виден каждый его ограненный луч. Он тяжелый, настоящий, холодный. Я должна сосредоточиться на этом. На Владиславе, который, скорее всего, уже заждался меня, а не на каких-то там мрачных фантазиях о демонах. Беру себя в руки и возвращаюсь в дом.

— ... Я не ручаюсь утверждать это на сто процентов. Стоит еще раз перепроверить, — слышу сухой, деловой голос Ивана Дмитриевича, когда захожу обратно в гостиную.

Атмосфера в комнате переменилась кардинально. Той сладкой, праздничной истерии как не бывало. Чувствуя общее настроение - сжатое, напряженное, мне больше не хочется улыбаться. Даже просто светиться от счастья кажется теперь неприличным.

— О Боже... — шепчет мама. Ее взгляд абсолютно стеклянный. Она смотрит куда-то в пустоту еще несколько секунд, потом медленно тянется к своему бокалу, берет его аккуратно

за ножку и делает несколько глубоких глотков. При этом я отчетливо вижу, как мелко дрожат ее пальцы. — Вань, мы... мы в опасности?

— О чем речь? — спрашиваю я, не выдержав.

Еще несколько минут назад все было прекрасно. Сказка наяву, где мы с Владом купались в поздравлениях, где я ловила его восхищенные взгляды и чувствовала твердую, уверенную руку на своей талии. Сейчас же обстановка такая, будто мы собрались не для помолвки, а на поминки.

— Дорогие мои, — звонко, с надрывной бодростью заявляет Мария Евгеньевна, обводя всех присутствующих взглядом, — давайте не будем портить такой день...

— Она должна знать, — спокойно, вмешивается Влад, перебивая свою маму. — Это касается и её тоже. — Он подходит ко мне, берет за руку и жестом показывает присесть на стул. Колени и правда кажутся ватными, ноги не слушаются, предчувствуя неладное. — Ева, — продолжает он, присев рядом со мной на соседнее место и не выпуская моей холодной руки из своих теплых, больших ладоней. — Мой отец рассказал, что ему приходило несколько анонимных писем с угрозами. Он не обратил на это внимания. Кто этим вообще занимается в 21 веке? Но потом... смерть Виктора. И... мой отец решил перепроверить причину его смерти.

— О чем вы говорите?» — уголки моих губ нервно дергаются в жалкой попытке улыбки, которая тут же умирает. Смотрю по очереди на Ивана, на свою маму, которая, кажется, находится сейчас где-то очень далеко, и внутри все леденеет, сжимается в тугую, болезненный комок страха. — У моего папы был инфаркт...

— Ева, кто нашел Виктора? — спросил Иван Дмитриевич, оставаясь так же стоять поодаль от стола.

— Наша горничная, — мама, на мое удивление, отвечает быстрее меня. — Мы с Евой приехали уже в больницу.

— Я видела заключение патологоанатома своими глазами! — вырывается у меня.

Что происходит?

Я не понимаю, к чему вообще весь этот разговор. Мне хочется закрыть уши, зажмуриться и не слышать ничего из того, что до меня пытаются донести, но от их взглядов не скрыться никуда. В них тяжелое, давящее сожаление и сочувствие, от которого сердце сжимается до физической боли.

Влад продолжает сжимать мою ладонь. Его большой палец медленно, ритмично гладит мои костяшки, раз за разом задевая холодный металл и камень обручального кольца.

— Его подкупили, — ровно и без тени сомнения заявляет Иван Дмитриевич. — Я запросил о повторном вскрытии со своим экспертом, когда на то еще была возможность... — он пытается говорить максимально деликатно, но в моей голове уже вспыхивают чудовищные, обрывчатые картинки, от которых темнеет в глазах. — В Виктора стреляли. Так же было обнаружено несколько ушибов под ребрами... — он резко останавливает себя, видя, как от каждого его слова мое лицо будто теряет последние капли крови. Он поджимает губы. — Мы решили не говорить вам до похорон, но сейчас... сейчас, думаю, нет смысла держать это в тайне.

Смотрю на маму. Та прикрывает глаза, что-то беззвучно шепчет одними губами, глотая новые скатившиеся по щеке соленые капли.

Мне начинает не хватать воздуха. Комната плывет. Пытаюсь дышать ровно, размеренно, но вдохи получаются короткими, судорожными. Глаза бегают по знакомой гостиной в поисках какой-то точки опоры, спасения, пока не натываются на сосредоточенное, обеспокоенное лицо Влада.

— Ева, — его голос звучит тихо, вкрадчиво, — мы считаем, что вам с Ангелиной может угрожать опасность. Поэтому нам стоит обсудить ваш переезд сюда. В этот дом.

Только что мой будущий муж предложил мне переехать в дом его родителей. При других обстоятельствах я непременно ощутила бы те самые восторженные бабочки в животе и кину-

лась бы ему на шею, но вся ситуация, все услышанное пугает меня настолько, что я чувствую себя абсолютно одревеневшей, парализованной. Это не романтическое предложение.

— Нет... — вырывается у меня. — Мы не можем перекладывать на вас эти проблемы. Мы... мы завтра же напишем заявление в полицию! — Поднимаю голову и смотрю на маму, ища в ней поддержки, но ее взгляд пуст. — Наверное, надо нанять кого-то из службы охраны...

Я понятия не имею, что делать. Как правильно поступить и к кому обратиться за помощью, но что-то глубоко внутри бьет тревогу, что обременять этим семью Евсеевых мы с мамой не имеем никакого права.

— Я считаю, это замечательной идеей, — Мария Евгеньевна мягко улыбается. — Мы скоро станем одной семьей. И мои мальчики смогут обеспечить вам безопасность.

Владислав с отцом почти синхронно кивают в подтверждение.

— Милый, что думаешь? — Мария неуверенно, почти робко обращается к младшему сыну, которого, кажется, вообще ни капли не волнует то, что он слышит. Развалившись в кресле в дальнем углу, Руслан похоже успел задремать или просто отключиться от всего этого.

— Мне все равно. Я здесь не живу.

— Но когда мы начнем жить под одной крышей, нам с Евой будет проще готовиться к свадьбе! — снова включается Мария, и в ее голосе появляются привычные восторженные нотки. — Столько нужно сделать, обсудить! Ох, простите, но это очень волнительно. Я мечтала об этом дне, когда Владиславу исполнилось восемнадцать!

Все это происходит слишком быстро. И даже если отбросить ошеломляющую, не укладывающуюся в голову новость об отце, я испытываю жуткое, тошнотворное смятение от того, что происходит со мной.

Еще вчера я была просто Евой. Евой Беляковой. Студенткой, наследницей гостиничного бизнеса отца. Сегодня я - невеста, которой только что сообщили, что ее отца убили, и теперь родственники жениха настаивают на ее скорейшем переезде под свою опеку. От этой мысли кружится голова.

— Что скажешь? — мягко спрашивает Влад.

— О переезде? Даже не знаю... — голос мой звучит слабо, потерянно. — Мне кажется, нам с мамой стоит сначала все обдумать.

— Мы смогли бы больше времени проводить вместе, — шепчет он так томно, так притягательно, что на секунду весь ужас отступает, смытый волной привычного, сладкого головокружения от его близости. Его губы почти касаются моего уха. — Ты будешь в полной безопасности. Со мной.

Он поднимает мою руку и целует прямо в холодный бриллиант, подаренный им. Потом еще раз, чуть выше, на внутренней стороне запястья, где пульсирует жила, и продолжает смотреть на меня. Его взгляд темный, глубокий, обещающий защиту и... что-то еще. Что-то, что заставляет кровь прилить к щекам даже сейчас.

Это действительно звучит как спасение. Как та самая сказка, в которой я должна была оказаться. За завтраком мы могли бы с его мамой обсуждать список гостей на свадьбу и декор. А вечерами... вечерами мы бы с Владом наслаждались обществом друг друга, шепча о чем-то сокровенном. Целовались бы до онемения губ в этой самой гостиной, где сейчас решается наша судьба. Он был бы моим щитом. Моим рыцарем в сияющих доспехах.

В маминых заплаканных глазах надежда. Она так устала за эти пару месяцев что-то решать, что сейчас смотрит на меня с мольбой.

— Наверное... это правда хорошая идея — тихо, почти беззвучно выдыхаю я, глядя Владу в глаза.

Глава 7

Руслан

— Может, останешься еще ненадолго? Хотя бы на недельку.

Так и замираю на секунду с недожеванным кусочком сырника во рту. Сладковатый творожный вкус вдруг стал пресным. Я предчувствовал, что маменька может выкинуть что-то такое, когда заманивала меня на кухню «на свои фирменные сырники». А эта женщина знает все мои слабости до единой.

— Та-ак, — медленно прожевывая, глядя на нее поверх чашки. — Я знал, что ты что-то от меня хочешь. — Посылаю в ее сторону убийственный, но лишенный настоящей злобы взгляд и, подхватив тарелку, встаю. — Доем у себя в комнате.

Она кладет свою руку на мою. Присаживается на соседний стул. Пока я стою как истукан с тарелкой недоеденных сырников, она одним только взглядом показывает мне вернуться обратно.

Что ж... И джем малиновый еще остался.

Целый сырник мне удастся съесть в полной, давящей тишине.

— Милый, я скучаю по тебе.

— Мы видимся с тобой максимум десять минут за завтраком, — мазюкаю последним кусочком сырника в остатках малинового соуса, не глядя на нее, — и если повезет, вечером за ужином.

— И спасибо хотя бы на этом, — она тепло, с какой-то грустной нежностью улыбается. Единственная, кто делает это в отношении ко мне в этих стенах. Искренне.

— Если ты забыла, у меня своя база отдыха. Бизнес.

— Который может подождать...

— Что-то твой Ваня с золотым сыночкой ездят на работу зачем-то каждый день. Их же отели почему-то не ждут. Ах, забыл, — на губах появляется едкая, знакомая самому себе ухмылка, — у них это серьезная работа, а у меня так, развлечение. Баловство.

Когда я завязал со своим черным прошлым, как называет это маменька, то завалился на порог их с Иваном дома посреди ночи, в дрызг пьяный. Сам момент помню не очень хорошо, сквозь алкогольный туман и адреналиновую дрожь. В памяти обрывки: холодный кафель прихожей под коленями, запах паркета и ее парфюма, смешанный с вонью крови и пороха от моей одежды. Я падал перед ней на колени и хрипел что-то вроде «прости». О большем и не надеялся.

Меня еще колотило от дикого, животного ужаса и липкого адреналина, ведь просто так «выйти» из дел мне бы никто не дал. Я практически сбегал. Отделался в тот вечер лишь пулей в бедро. Спасибо медику Демьяна, моего друга. Пока старик меня латал, крючковатыми пальцами выковыривая свинец, он все что-то бубнил сквозь сигарету в усы про семью, про любовь. Сейчас я уже и не вспомню связно ни одного его предложения, но тогда его хрипя, усталая речь пробрала меня до самых печенок. Так, что я, едва держась на ногах, тут же поехал к матери. Не за спасением. За... прощением. За одним ее взглядом.

Наутро меня ждал серьезный разговор с Иваном. Но я заслужил. Каждое слово. Возможно, он теперь с чистой совестью и раздутой самооценкой бога считает, что вправил мне мозги на место, но до него это сделали другие, не столь добрые люди. Люди, у которых в глазах не было ни капли сожаления.

Я молчал тогда. Глотал все, что он мне говорил. Просто кивал, хотя еще несколько лет назад яростный, до хрипоты спор с отчимом был моим любимым спортом. До разрыва гланд, до проступивших на лице и шее красных пятен ярости.

И дело даже не в том, что Иван мне по сути никто. У нас с ним изначально не заладилось. Даже когда я искренне думал, что он мой кровный отец. Этому нет объяснения. Химия. Он видел во мне что-то чужеродное, я в нем фальшивую, напыщенную правильность.

Когда мать сбежала с двумя детьми от сожителя-бандита, я был совсем крохой. Влад потом, в порывах наших ссор, рассказывал обрывками: жизнь с тем человеком была похожа на кромешный ад. Он регулярно бил мать, мы голодали, а сам все награбленное спускал на новые шмотки и новомодные девайсы.

Обо всем этом я узнал лет в двенадцать. Все стандартно до пошлости. Нашел свое потрепанное свидетельство о рождении, где в графе «отец» был указан не Иван, а какой-то незнакомый мужик.

Во мне вскипел юношеский максимализм. Я понял, что меня тупо наебывали всю жизнь. Скрывали. Ни один вечер в нашем доме после этого не проходил без скандалов. Влад твердил, что я должен быть благодарен судьбе и Ивану, что тот принял нас, дал кров и имя. Но я так не считал. Поэтому я, как только смог, нашел своего кровного батю-бандита, который к слову за столько лет не особо поменял род деятельности, и когда мне стукнуло восемнадцать, просто сбежал из этого опрятного, душного ада. Назло всем.

Иван, прогнувшись под настойчивые уговоры мамы, решили тогда подарить мне бизнес. Не из любви. Чтобы я хоть чем-то занялся и не ушел на дно окончательно, не наложив на их репутацию еще больше теней. Базу отдыха, которую мне торжественно вручили, было умирающим местом, неудачным экспериментом сети отелей «Ампи́р», который просто не пошел. Бизнесом там и не пахло. Но... прошло всего два года, а бронь на заселение в мои домики теперь стоит аж за несколько месяцев.

Я считаю это своим личным успехом. Иван, видя цифры в отчете, покраснев, как рак, однажды заявил за ужином, что это «игрушечный бизнес и не больше». Это была чистая злость и зависть, запроваженная презрением. Ведь все уже давно оформлено на меня одного, а когда-то этот человек грозился оставить меня без гроша и наследства.

— Он ляпнул это с горяча, — мама тихо говорит, двигая в мою сторону кружку ароматного, крепкого и, главное, свежесваренного кофе.

— Твой муж первый, кто будет рад моему отъезду. Если ты не заметила, все в этом доме терпят меня только из-за уважения к тебе.

Ей нечего на это сказать. Маменька недовольно, по-девичьи поджимает губы, следом делает небольшой глоток из своей фарфоровой чашки.

Да, сам виноват, что отношение окружающих ко мне вот такое. Но я ни о чем не жалею и ничего исправлять бы не стал. В отличие от Владика. Пока он всю жизнь пытался прыгнуть выше головы и угодить всем - отцу, обществу, самому себе, лишь бы получить вожделенное одобрение, я в это время забивал огромный болт на все.

Как итог: маменька любит меня не *за* что-то, а *вопреки*. Вопреки всему. И это, на мой взгляд, самые правдивые, самые искренние отношения из всех возможных.

— Всего неделя, Руслан, — принимает она последнюю попытку, и я слышу, как ее голос звучит чуть надломленно, пробивая мою броню. — И уедешь обратно к себе, за город.

— Только семь дней, — сдаюсь, допивая горьковатый кофе до дна. Он обжигает горло, возвращая к реальности. — И сырники мне, пожалуйста, каждое утро. Иначе уеду раньше.

Целую ее прохладные, пахнущие мылом и заботой пальцы и выхожу из кухни.

Думал, что смогу быстренько собрать с утрца вещи и свалить по-тихому, пока все спят. Ведь у маменьки теперь есть новая личная игрушка, живая куколка, с которой она может играть в идеальную семью хоть весь день напролет.

Не получилось. Не фортануло.

Вчера все немногочисленное семейство Беляковых переехало в наш дом. Иван с Владом с энтузиазмом мальчиков-скаутов вызвались помогать перетаскивать их хрупкие коробки и

чемоданы наравне с грузчиками. Когда творился этот сладкий хаос семейного единения, я тихо уехал из дома и вернулся поздно ночью, поэтому даже не знаю, в какие комнаты их поселили. Не интересовало. Но надеюсь, подальше от моей. Не хочу слышать, как трахается мой старший братец.

Проходя по длинному, знакомому до каждого завитка обоев коридору, слух вдруг улавливает странную, никогда не звучавшую в этих стенах музыку. Тихие, гипнотические переливы с восточными мотивами, томный ритм барабана.

Я пропустил еще чье-то заселение?

Чем ближе подхожу к малой гостиной, где открывался самый красивый вид на наш заснеженный, мертвый сейчас сад, тем интенсивнее, гуще становится звук.

Тихо, беззвучно приоткрываю тяжелую дубовую дверь. И первые секунды я даже не понимаю, что вижу. Точнее кого.

Ева. Уже почти не Белякова, но еще не Евсеева.

Она стоит в центре комнаты, опершись ладонями в пол, отставив задницу вверх в какой-то немыслимой, грациозной и одновременно дико вызывающей позе. Легинсы цвета ядовитой фуксии плотно, как вторая кожа, облегли каждый изгиб ее длинных ног и круглых, упругих ягодиц. Короткий топ в тон не оставлял никакого, абсолютно никакого пространства для фантазии насчет форм и размера ее груди.

А у принцессы, надо отдать должное, зачетная фигурка. Не худышка-тростиночка, а сочная, женственная, та, что так и просится, чтобы ее касались. Нежно или грубо. Неважно.

Быстрым движением поправляю член, который мгновенно отозвался на картинку, чтобы ширинка слишком явно не давила на головку. Возбуждаться на невесту брата, похоже, начинает превращаться в опасную, отвратительную привычку. В слабость. А слабости в моем мире имеют свойство очень дорого стоить.

Принцесса тем временем плавно легла на живот и неестественно, но красиво прогнулась в спине, откинув голову назад. Между бедром и ягодицей образовалась глубокая, внушительная складка. Мозг тут же, без моего разрешения, подкинул четкую, обжигающую картинку: как было бы тепло, мягко и туго сжимать эту самую задницу в ладонях.

Когда Ева, закончив позу, схватила с коврика полотенце и принялась медленно, с каким-то невинным сладострастием обтирать свое влажное после тренировки тело, проведя тканью по шее, вдоль ключицы, я понял, что надо валить. Сейчас же. Потому что следующая мысль, которая врзалась в голову, была уже не о наблюдении. А о действии.

Глава 8

— Здравствуйте. Столик на имя Владислава Евсеева.

Хостес улыбается той отточенной улыбкой, за которой чувствуется хороший оклад и ежедневные тренировки. Но мне плевать. Сегодня я хочу верить, что все улыбки искренни.

— Следуйте за мной.

Девушка отодвигает тяжелую бархатную синюю штору, и я делаю шаг внутрь.

Это странно... Нет, сразу отгоняю это слово — *неправильно*. Заменяю на другое: необычно, нестандартно. Сначала согласиться на брак, а только потом идти на первое свидание. Сначала надеть кольцо на палец, а потом узнавать мужчину, который это кольцо подарил.

Ресторан, о котором говорит чуть ли не каждый второй в соцсетях. Попасть сюда чуть ли не сложнее, чем на закрытый показ Dior. Говорят, столик бронируют за месяц. Здесь все в черно-синих тонах, глубоких, как ночное море. Ничего кричащего. Ничего лишнего. Стены, вдоль которых нас ведет хостес, кажутся из льда, но это обман. Красивая имитация.

Я ожидаю увидеть переполненный зал, томный шепот, звон бокалов, музыку, пробивающуюся сквозь гул голосов. Но когда мы входим...

Зал пуст. Совершенно, абсолютно пуст. Каждый столик накрыт черной скатертью, и на каждом букет красных роз. Алые пятна на черном фоне, как вспышки. А в центре, у круглого стола, освещенного холодным светом, стоит Влад. В руках у него точно такие же розы — огромный, пышный букет.

За черным, отполированным до зеркального блеска роялем сидит седовласый мужчина в безупречном смокинге. Его пальцы плывут над клавишами, и комната наполняется чем-то тягучим, сладким. Прекрасной музыкой.

Я иду к Владу. С каждым шагом бабочки в животе бьются все сильнее, и я боюсь, что он услышит их трепет. Улыбка расплывается до ушей, и ничего не могу с этим поделать. Полностью перестаю себя контролировать рядом с ним. Словно на подсознании готова доверить ему контроль над своим телом.

Как вообще можно не доверять такому мужчине, как он? Статный, уверенный в себе, невероятно красивый. Владислав не изменяет своей любви к костюмам. Порой мне кажется, что он в них спит, но сегодня он все же изменил свою привычку, надев вместо однотонного пиджака, пиджак в клетку.

Непривычно, но стильно.

Как в такого можно не влюбиться раз и навсегда?

И скоро, он будет мой.

— Ты выкупил половину ресторана? — выдыхаю, оглядывая столики в поисках хоть одного свободного от цветов.

Влад наклоняется. Я чувствую его дыхание на своей щеке. Мягкое, теплое, с легким оттенком мятной свежести. Его губы касаются моей кожи почти невесомо, целомудренно, но внутри меня каждая клеточка уже пылает. Я готова прижаться к этим ледяным стенам, иначе просто растаю, растекусь лужицей счастья по черному мраморному полу.

— Вообще-то весь, — произносит он с гордостью. — Половина - это компромисс, а я в вопросах, касающихся тебя, не люблю идти на компромиссы.

— Влад... это безумно дорого!

Он вдруг смешно морщит нос, пока отодвигает для меня стул, и мы присаживаемся на свои места.

— По задумке это должно было выглядеть романтично. Черт. В следующий раз, наверное, надо больше розового. Свечи. Сердце из лепестков роз. И, может быть, шары в виде сердечек? Золотые? Или серебряные?

Когда он заканчивает этот абсурдный перечень, мы уже оба смеемся. Я - звонко, он все же сдержанно, но в уголках его глаз собираются теплые лучики морщин. Готова расцеловать каждую из них.

— Прости, — выдыхаю, пытаюсь поймать воздух губами. — Мне правда все очень нравится. Ты... ты невероятный.

— Ну вот, наконец ты улыбаешься. — Влад смотрит на меня так, будто я — это нечто что-то невероятное. От этого сердце заходит в тахикардии. Он берет мою руку, переворачивает ладонью вверх и целует костяшки. Медленно, не отрывая от меня взгляда. — У меня самая красивая невеста в мире. Даже этот бриллиант не сравнится с твоим блеском.

— И каково это? — шепчу, чувствуя, как кожа под его губами покрывается мурашками. — Быть обладателем такой драгоценности?

Он задерживает мою руку в своей еще на секунду. Потом отпускает, но его пальцы продолжают гладить мое запястье.

— Волнующе, — отвечает он тихо, и это звучит как признание.

В этот самый момент, когда целый огромный мир, вся вселенная сужается только до нас двоих, к нам подходит официант.

— Готовы сделать заказ?

— Мы пока выбираем. — Влад даже не смотрит в меню. Его взгляд по-прежнему на мне. — Принесите бутылочку вашего самого лучшего шампанского даме. А мне воду без газа. Благодарю.

Официант исчезает так же бесшумно, как появился.

— Знаешь, — признаюсь я, утыкаясь в меню. Так проще. Без зрительного контакта слова выходят легче, не спотыкаются о смущение. — Я много раз представляла наш первый вечер вдвоем. Без родителей, без ощущения, что за нами наблюдают. Только ты и я.

— И как? — в его голосе улыбка. Я слышу ее, даже не глядя. — Совпадает?

Я поднимаю глаза.

— Все намного лучше.

Мы делаем заказ. Я почти не вслушиваюсь в названия блюд. Влад выбирает за нас обоих, и это кажется таким естественным. Его голос течет ровно, уверенно, и я позволяю себе просто плыть по этому течению.

— Я понимаю, что эти дни были сумбурными, — говорит он, когда официант отходит. Его пальцы снова находят мои, переплетаются. — Переезд, новости об отце, все эти разговоры о безопасности... Я хочу, чтобы ты знала: для меня важно не просто выполнить договоренности наших отцов. Для меня важно, чтобы ты была счастлива.

Улыбка на моих губах, которая должна была быть весь вечер самой легкой и безупречной, вдруг на миг гаснет.

— Я... я счастлива, Влад. Правда. — Я сжимаю его ладонь в ответ. — Просто иногда кажется, что все слишком быстро. Что я не успеваю осознать, что происходит. Послезавтра уже едем выбирать ресторан. Кстати, в четыре. Ты же сможешь?

Приносят горячие салаты. Мы оба берем столовые приборы, и на секунду тишину нарушает мелодичный звон металла.

— Пока не могу обещать этого на сто процентов, — Влад аккуратно разрезает утиную грудку, — а пустыми обещаниями я разбрасываться не привык. Я постараюсь сделать все, что в моих силах. Но имей в виду: я полностью тебе доверяю. Бери в помощницы двух мам. Они в этом деле советчицы лучше меня.

— Может, и так, — я откладываю вилку, аппетит вдруг уходит, — но мне бы хотелось, чтобы ты тоже принимал в этом участие. Чтобы ты был рядом в этот момент.

Сжимаю губы. Они вдруг начинают дрожать.

Влад замирает. Поднимает на меня взгляд. Цепкий, внимательный.

— Ева? Что-то случилось?

«Он тебе изменяет».

Нет, эти страшные слова открыто не звучали, но именно эту мысль до меня пытался донести кое-кто...

В момент переезда к Евсеевым я ощущала себя не в своей тарелке. Было страшно и ужасно грустно прощаться с домом, но я пыталась успокоить себя тем, что после свадьбы я бы всё равно съехала из родительского гнезда.

Первый вечер прошел за приятным ужином в семейном кругу. К слову, Руслан не присутствовал, что не могло не радовать. Владислав постоянно находился рядом. Я просто надыхаться не могла его присутствием. Хотелось постоянно к нему прикасаться, что я и пыталась сделать. Робко, нечаянно. И когда на следующий день он с Иваном уехали по делам, внутри образовалась пустота.

Днем, после универа, меня дома с нетерпением ждали мамы. Вся малая гостиная была в альбомах и журналах с примерами свадебных платьев, тортов, декора. Казалось, этим женщинам хотелось обсудить всё и сразу. Меня затащили в этот организаторский водоворот слишком стремительно. К счастью, из него меня спас Влад, который приехал на ужин. Не то чтобы мне не нравилось готовиться к свадьбе, просто я себе это иначе представляла. Как минимум то, что мы это будем делать с моим женихом. Вместе просматривать журналы со свадебными трендами этого года, что-то бронировать, смотреть локации, спорить насчет выбора ведущего и приходить к общему решению. А получается так, что уже два вечера этим занимаюсь я одна. Мама... они не то чтобы помогают, они больше запутывают, предлагая всё больше и больше вариантов. А я не знаю, что выбрать, потому что понятия не имею, что из этого понравится Владу.

Я ждала вечер, второй, третий. Радовалась, как собачонка, подбегала к нему, когда он возвращался, и чуть ли не скулила от тоски, когда вновь уходил. Потому что деловые встречи, потому что партнеры.

— Не переживай, принцесса. Есть женщины, которые годятся только в любовницы и больше ни во что, — заявил как-то Руслан, заметив мои пустые глаза после ухода Владислава.

— Ты это к чему?

Он равнодушно пожал плечами.

— Да так, просто Достоевский вспомнился.

Но с тех самых пор невидимые, но колющие ниточки ревности стали пробираться под кожу.

Поначалу я думала, что это лишь зависть и глупая обида. Владислав сейчас много работает, потому что в последнее время ему это приходится делать еще и за нас с мамой. Я не собираюсь устраивать какие-то скандалы по этому поводу. Я всё прекрасно понимаю. Ему нелегко. Но слова, брошенные демоном, заронили во мне странное, нездоровое зерно сомнений, от которого у меня никак не получается избавиться.

Смотрю на Влада и понимаю: нет, не мог он так со мной поступить. Если бы у него кто-то был, тогда он бы точно не стал делать предложение мне. Его никто не принуждал к браку. Он сделал это, исходя из собственных желаний.

— Нет, прости.

— Ева, — его голос становится мягче, но настойчивее, — не закрывайся от меня. Если тебе страшно, если ты сомневаешься — говори. Я хочу быть не просто твоим мужем. Я хочу быть тем, кому ты доверишься больше всех.

Я молчу. Слова застревают где-то в горле, комком непролитых слез. А потом прорываются:

— Я благодарна твоей семье за заботу, за защиту, которую вы нам с мамой предоставили. Но порой мне просто... невыносимо одиноко. — Мой голос дрожит, и я ненавижу себя за эту

слабость. — Всё, что обсуждается в доме, — это свадьба. И я, конечно же, безумно счастлива, но обсуждать это 24/7 просто невозможно. Едва твоя мама видит меня, у нее сразу возникает миллион вопросов, на которые я не знаю ответа, потому что совершенно не представляю, что ты об этом думаешь. Сколько гостей? Какой формы столы? Скатерти? Цвет свадьбы? Вкус торта? А сколько ярусов? — Я перевожу дыхание, чувствуя, как щиплет в носу. — Я даже не знаю, какого числа состоится само торжество!

— Двадцать третьего мая, — отвечает Влад спокойно.

— Что? — моргаю, выбитая из колеи.

— Дата нашей свадьбы. — Он откидывается на спинку стула, но моей руки не отпускает. — Уже точно будет тепло, но не слишком жарко. Яркие цвета я не люблю, лучше что-нибудь пастельное. Сладкое я не ем, так что главное, чтобы торт понравился гостям. А насчет места — можно подумать о каком-нибудь загородном комплексе. В «Зеленой волне», например, отличный банкетный зал.

Я смотрю на него, и внутри медленно гаснет разгоревшийся пожар.

— Ох, Влад... — выдыхаю. — Прости за мою истерику. Я, наверное, сейчас выглядела как капризный ребенок.

— Ты выглядела как человек, который устал быть сильным в одиночку. — Он подносит мою руку к губам, целует в то самое место, где бьется пульс. — Я знаю, тебе сейчас тяжело. Но ты сильная. Твоя мама — олимпийская чемпионка, ты выросла с примером несгибаемой женщины. Но даже чемпионам иногда нужен тот, кто подставит плечо. Особенно когда судья нечестен, а лед трещит под коньками.

Я поднимаю глаза. В его взгляде — абсолютная серьезность, смешанная с такой нежностью, что у меня перехватывает дыхание.

— Я не хочу чувствовать себя обузой для кого-то, — шепчу я. — С детства ненавижу это чувство.

Старые травмы, даже когда порой кажется, что они забыты, всё же находят нас.

В детстве я боялась темноты. Жутко. До криков. Родители что только не делали, но, устав бороться, разрешили оставлять в комнате приглушенный свет, который я, как только они уходили, делала на максимум. Так и засыпала спокойно. Беда была с теми, кто оставался спать со мной в одной комнате. Когда мне было пять лет, у нас еще не было огромного дома с бесконечным количеством комнат для приезжих родственников. Часть детей размещали у меня. И даже их я приучила спать с включенным светом. Это было лучше, чем спать под мой бесконечный плач.

С тех пор во мне живет это чувство. Что я со своими проблемами могу для кого-то стать обузой. Поэтому у меня для всех всегда всё идеально. Я должна быть идеальной. Без проблем, всегда в хорошем настроении.

— Ты так и не проработала это с психологом? — звучит с долей заботы, но так, словно меня родитель отчитывает. Удивительно, как Влад сразу понял, о чем речь. — Ева... ты обещала.

— Боюсь, что меня заставят избавиться от ночника.

Он улыбается.

— Напомни, как его звали? Хрюня?

— Да-а! — вырывается у меня радостное, почти детское. — Ты помнишь! Совенок по имени Хрюня.

— Я все помню, Ева. — Он наклоняется ближе, и его голос становится тише, интимнее. — И я все понимаю. Тебе тяжело. Но и я не могу бросить отель и выбирать цвет салфеток на свадьбу. — Он делает паузу, смотрит мне прямо в глаза. — Я выбрал себе в жены девушку

с потрясающим, утонченным вкусом. Поэтому, даже если салфетки будут ярко-оранжевые в клеточку, я это переживу.

Я смеюсь, и ком в горле наконец отпускает.

— Кстати, о работе. Завтра в первой половине дня тебе нужно будет заехать в офис. Подписать кое-какие бумаги.

— А это как-то можно решить без меня? — морщусь. — У меня завтра важный зачет. Грымза Олеговна не прощает прогулов.

— Ева, некоторые вещи я не могу решить один даже с моим отцом. Нужна именно твоя подпись как наследницы. Может, договоришься с преподавателем? Сдашь первой и потом подъедешь в офис?

— Нет, так не получится. — Я качаю головой. — Ты не знаешь эту Грымзу: если попытаться с ней о чем-то договориться, она сразу решит, что у меня какой-то план. Будет валить на каждом вопросе. Может, можно еще что-то придумать?

Влад задумчиво проводит пальцем по ободку своего бокала.

— Если бы у меня была доверенность на распоряжение собственностью, капиталами и активами...

— Без проблем! — перебиваю с облегчением. — Я подпишу.

Он смотрит на меня долгим, изучающим взглядом. Потом кивает.

— Хорошо. Завтра попрошу подготовить бумаги на подпись и пришлю к тебе своего человека.

— Я правда не знаю, что бы мы с мамой без тебя делали, — вырывается у меня. — Мне нравится гостиничное дело, то, чем занимался папа. Но эта документация пока вгоняет меня в тупик. Я очень боюсь где-то накосячить, а потом вам с Иваном Дмитриевичем придется это разгребать.

— Ева, твой папа ушел, зная, что ты под защитой. — Его голос ровный, твердый, без тени сомнения. — Я не дам этому доверию быть напрасным. Я не заменю его. Я даже не пытаюсь. Но я обещаю тебе: пока я рядом, с тобой ничего не случится.

Я смотрю на него сквозь пелену выступивших слез. И верю. Каждому слову. Как я вообще могла хоть на секунду в нем усомниться?

Потому что он — Влад. Идеальный. Настоящий. Мой.

Глава 9

Зимний воздух такой холодный, что, кажется, каждая снежинка режет щеку. Но я ничего не чувствую. Ни мороза, ни ветра. Только его губы на своих. Только его дыхание, смешивающееся с моим в белом облачке пара.

Это наш первый поцелуй.

Настоящий. Осознанный. Тот, которого я ждала столько лет, что уже перестала верить, что он случится.

Влад целует меня медленно, бережно, будто я — хрусталь. Его ладонь лежит на моей щеке, большим пальцем гладит скулу, стирает с нее снежинки, согревает.

Губы у него теплые, несмотря на мороз. Мятные от леденцов, что лежат у него в машине. Я чувствую этот вкус и хочу запомнить его навсегда. Каждое прикосновение. Каждую секунду. То, как он губами осторожно размыкает мои, прижимается, вкушает. Дает себе и мне прочувствовать этот момент.

Мое сердце бьется где-то в горле, в висках, в кончиках пальцев, которые вцепились в его пальто и никак не могут разжаться.

Я боюсь, что если отпущу — он исчезнет. Растворится в этой белой ночи, как сон.

Он не позволяет себе, нам многого. Лишь чувственные движения губами, легкое прикосновения языка, но лишь кончиком. И этого достаточно... Меня и так топит теплом, но хочется большего. Потому что я знаю, как может быть по-другому.

Еще. Мне нужно еще немного, чтобы задохнуться от счастья в эту секунду.

Но Влад не исчезает. Он отстраняется сам. Слишком рано, слишком быстро. По влажным губам мажет холодом. Он смотрит на меня сверху вниз, и в его глазах темнота, подсвеченная фонарями.

— Беги в дом, — его голос низкий, чуть хриплый. — Продрогла уже вся.

— А ты? — мой шепот почти беззвучен. — Ты разве не...

— Нет, — он улыбается, поправляет съехавший на плечо воротник моей шубы. — Я вернусь позже. Обещаю.

То тепло, что согревало изнутри каждую клеточку моего тела, куда-то делось. На его месте снова та самая дыра. Настоящая бездна.

— Но сейчас десять часов вечера, — смотрю на него снизу вверх, и в моем голосе отчаяние, которое я даже не пытаюсь скрыть. Слишком устала. — Неужели в это время вообще законно работать?

— Меня ждет бильярд.

— Вот как...

— И господин Устинов, — его пальцы чуть крепче сжимают мои. — Один из важных и постоянных гостей нашего отеля. И для того, чтобы он таким и оставался, приходится иногда проводить вот такие неформальные встречи.

— В бильярдной? — стараюсь, чтобы голос звучал легко. Не получается.

— Бывают даже сауны.

— Надеюсь, исключительно мужские.

— Ева, — Влад берет мое лицо в ладони. На миг я прикрываю глаза, наслаждаясь тем теплом, что он мне дарит, пока еще рядом со мной. — Я не хочу тебя обманывать. Поэтому говорю, как есть. Но если тебе будет так спокойнее, я могу никуда не ехать...

— Нет, — качаю головой, чувствуя, как сердце разрывается. Не хочу его отпускать. Не в такой вечер. — Я все понимаю. Правда. Не волнуйся.

Он молчит секунду.

— В очередной раз убеждаюсь, — тихо говорит, — что сделал правильный выбор.

Целует меня снова. Коротко, жарко, но в эту секунду волна тепла и любви накатывает на меня настолько, что обижаться на него уже не получается.

Двигатель его машины урчит. Влад закидывает в рот еще одну мятную конфетку и срыгается с места. Стою и смотрю, как красные огни исчезают за поворотом. В руках тяжелый букет. Я даже не помню, когда он успел вручить мне его. Наверное, в тот момент, когда мир сузился до размера его зрачков.

Иду к дому медленно. Снег приятно скрипит под ногами.

Крыльцо не освещено. Я нащупываю ступеньку ногой, как вдруг замираю.

Струйка дыма. Тонкая, сизая, выпущенная в морозный воздух с ленивой грацией.

Только этого не хватало для идеального вечера.

— Я не хочу ничего слышать, — бросаю, даже не глядя в ту сторону. Голос звучит зло, устало.

— А я и не собирался.

— Ага. Как же.

Руслан сидит на перилах, затягивается, глядя куда-то в сад. В темноте не видно его лица, только очертания: широкие плечи, расслабленная поза, пальцы, держащие сигарету.

Когда поднимаюсь, он протягивает пачку, предлагая мне присоединиться.

Морщусь. Какое нахальство. В жизни эту гадость в рот не возьму. Он хмыкает с зажатой между губ сигаретой и убирает пачку обратно в карман.

Молчим.

Я должна зайти в дом. Там тепло, там мама. Там безопасно.

Но за порогом меня ждут вопросы. Где Влад? Почему одна? Как прошло свидание? И мне снова придется улыбаться и врать, что все идеально. Или не врать и тогда они увидят, как мне на самом деле одиноко.

Я остаюсь на крыльце. Мне нужно еще немного время. Время на себя, где я могу не притворяться. Правда в секунду меня поражает тот факт, что сделать это получается рядом с Русланом, и от этого напрягаюсь вновь, как струна.

Почему же так случилось? Наверное, потому что мне все равно, что обо мне думает этот человек.

Снег падает на букет, оседает на лепестках. Розы выглядят неестественно красными на этом белом фоне. Слишком ярко. Слишком нарядно.

— Ну давай, — выдыхаю, чувствуя, как напряжение понемногу отпускает плечи. — Я готова.

— Эту пошлятину и вправду подарил мой брат?

Оборачиваюсь. Руслан кивает на букет в моих руках.

— Ничего не пошлятину, — прижимаю его ближе, защищая. — Красивый букет роз. Просто Влад еще не знает, что это не мои самые любимые цветы.

— Ну да, — он выпускает дым в сторону, подальше от меня. — И на каком свидании ты собираешься признаться, что это... как их там... альстремерии?

Замираю, пытаюсь понять не послышалось ли мне?

— Что? Как ты...

— Они на заставке твоего телефона.

Становится неловко. Глупо, по-детски неловко, будто меня застали за чем-то постыдным. Хочу пошутить, что до ситцевой свадьбы точно скажу, но время тянется, снег падает, а слова застревают где-то в горле.

Я так и не нахожу ответа.

Молча захожу в дом.

Тишина. Темнота. Только из малой гостиной струится теплый, тусклый свет.

Мама сидит на диванчике у окна и смотрит на заснеженный лес. В ее руке бокал с вином, на столике початая бутылка. А у дивана, на полу, еще одна. Пустая.

Слишком много для одного человека.

Я тихо сажусь рядом. Кладу букет на столик, краем глаза подмечая, что и бутылка на столе почти пустая. Мама, наконец, вернувшись из своих мыслей пьяно, но тепло улыбается. Сердце в груди сжимается от этого. Надо что-то делать с ее внезапной любви к алкоголю.

— Детка, — голос у нее тихий, чуть хриплый от долгого молчания и вина. — Как прошло свидание?

— Все отлично, — улыбаюсь, глядя на розы. — Влад романтик.

— Твой папа тоже красиво ухаживал. Я до сих пор храню его стихи, которые он пытался сочинять для меня. Криво, без рифмы, но в них было столько души, что...

Она замолкает. Я вижу, как она сглатывает подступивший ком. Бокал снова подносится к губам. Глоток. Еще один.

Ох, мамочка...

Я беру ее свободную руку в свою. Холодная. Тонкие пальцы, которые когда-то держали олимпийское золото, а теперь сжимают ножку бокала так, будто это единственное, что удерживает ее на земле.

— Как думаешь, — тихо спрашиваю, — все мужчины рано или поздно изменяют?

— Нет, — говорит она тверже, чем я ожидала. — Не все. Если мужчина достаточно мудрый, он изначально берет в жены ту женщину, которую ему приятно терпеть. Страсть уходит с годами, это правда. Но если в ваших отношениях есть взаимопонимание, поддержка, дружба — это будет самый крепкий союз.

Пауза. Она гладит мою ладонь большим пальцем.

— Дочка, а что за мысли у невесты?

— Да так, — опускаю глаза. — Ничего, о чем тебе стоило бы беспокоиться. Просто хотела услышать твое мнение.

Она кивает. Я чувствую, что она не верит ни одному моему слову. Но не давит.

— Мое мнение, — говорит она осторожно, будто пробует каждое слово на вкус, — что, как бы я хорошо ни относилась к Владу и как бы ни была ему благодарна, я думаю... вы торопитесь.

Она смотрит на меня, и в ее глазах та самая любовь, которая сильнее страха сказать лишнее. Потому что боится потерять и меня тоже.

— Но это я уже тебе говорила. Ты знаешь мою позицию. А прислушиваться к ней или нет, дело твое. Ты уже взрослая.

Глава 10

Влад вернулся, как и обещал.

Не то, чтобы я специально сидела в гостиной и ждала, чтобы проверить данное им обещание... Просто мне не спалось. Да, все именно так. И не важно, что последние минут сорок я клевала носом. Но спустя два с половиной часа, когда входная дверь открылась, и я увидела его, во мне за секунду появилось столько силы и энергии, словно по венам пустили энергетик.

Жаль, это работает только в одну сторону.

Влад устало улыбнулся, крепко обнял меня, поцеловал в лоб и ушел в свою спальню.

Все нормально. Время позднее. И я не ждала продолжения нашего свидания. Так же как и не ждала незнакомый мне ранее аромат пряной вишни на его рубашке. Явно женский. Но Влад и не говорил, что у них будет сугубо мужская компания в бильярдном клубе. Поэтому... Да, все нормально.

Эти странные намеки делают из меня параноика. И лунатика к тому же.

Спускаюсь вниз в полной темноте, нащупывая перила босыми ступнями. В горле пересохло так, что язык прилипает.

В доме тихо. Только часы в гостиной отсчитывают половину второго.

Захожу на кухню, тянусь к выключателю, но вдруг замираю.

Я здесь не одна.

За кухонным островком, на высоком барном стуле, сидит Руслан. Он в одних пижамных штанах, выставя на показ все свое бесчисленное количество татуировок. Перед ним початая бутылка виски, стакан, пепельница и тлеющая сигарета, зажата между пальцами.

— Не спится, принцесса? — голос тихий, хриплый.

Слышу как он затягивается.

— Пить хочу, — отвечаю я и ненавижу себя за то, что мой голос звучит как оправдание.

Прохожу к холодильнику, стараясь держаться как можно дальше от него. Достая бутылку минералки, наливаю в стакан. Пью стоя, спиной к нему, чувствуя его взгляд между голых лопаток.

Я в пижаме. Короткие шелковые шорты с леопардовым принтом и черная майка на тонких бретельках, которые я купила в прошлом месяце, даже не думая, что когда-нибудь кто-то увидит меня в ней. А теперь стою под взглядом человека, чье присутствие мне не приятно больше всех на всем свете. Или может это толика страха? Которую перед ним, я ни в кое случае не должна показывать.

— Ты всегда так поздно пьешь? — спрашиваю, не оборачиваясь.

— Ты всегда ходишь в прозрачном? Или для жениха так оделась?

Резко оборачиваюсь. Он усмехается, но в глазах ни капли веселья. Только усталость и что-то тягучее.

— Она не прозрачная, — сдерживаюсь изо всех сил, чтобы не прикрыть себя руками, чтобы не показаться слабой. Не перед этим человеком.

— Ага, — Руслан делает глоток виски, не сводя с меня глаз. — Тогда я, значит, слепой. Бесит. Бесит, что он оказывается прав. Снова.

Я действительно одела этот комплект сегодня впервые. И да, для Влада, который, похоже, на него даже внимание не обратил. Знал бы он сколько усилий мне потребовалось, чтобы вот так в этом леопарде выйти к нему! Шортики хоть и свободные, но короткие, едва попу прикрывают. Маечка из тонкого материала. Все облегает.

И в итоге меня рассматривает совершенно не тот мужчина, для которого это предназначалось.

Я молчу. Надо уходить. Сейчас же. Поставить стакан и уйти.

Но ноги не слушаются.

— Садись, — Руслан кивает на стул напротив, стряхивает пепел от сигареты. — Не кусаюсь.

— А, по-моему, то и делаешь, что кусаешься.

— Хочешь? — стучит двумя пальцами по бутылке и делает глубокую затяжку отчего фильтр отчетливо загорается в темноте.

— Я за водой пришла.

— Скучно.

Я все-таки сажусь. На самый краешек стула, готовая в любой момент сорваться и убежать. Руслан наливает себе еще, ставит бутылку на стол. Между нами метр столешницы и темнота.

Не знаю зачем осталась, ведь этот человек не самая лучшая компания.

— Не спится? — повторяет он свой вопрос.

— А тебе?

Он пожимает плечами.

— Я вообще мало сплю. Привычка.

— Откуда?

Руслан смотрит на меня долго. Так долго, что я начинаю жалеть, что спросила. Курит.

— В таких делах, которыми я занимался, много спать опасно. Могут прийти, пока ты сны смотришь.

Я слатываю. Внутри холодок.

— Влад говорил, ты был связан с криминалом.

Слова вылетают раньше, чем я успеваю их поймать. Повисает тишина.

Руслан снова немного отпивает, ставит стакан на стол.

— Влад много чего говорит, принцесса. Вопрос в том, насколько сильно готова ему верить?

— То есть ты не был связан с криминалом?

— Был, — отвечает с хитрым прищуром, затягивается в последний раз и тушит окурок о стеклянную пепельницу.

— И почему же я не должна ему верить? — чувствую, как внутри закипает раздражение. На него. На себя. На эту ночь. — Ты только намекаешь, пугаешь, играешь со мной в какие-то игры...

— Игры? — Руслан резко поднимается. Я даже не понимаю, как он оказывается рядом так быстро. Обходит островок, приближается. Вскидываю, но он уже слишком близко. — Так ты устала от игр?

Отступаю назад и упираюсь спиной в холодильник. Холодный металл через тонкую майку побуждает проступить марашкам на коже. А передо мной горячее, напряженное тело.

— Руслан...

Смотрю ему прямо в грудь. Точнее на колечко в соске. Во рту почему-то скапливается слюна. Сглатываю и отважно смотрю ему в глаза.

— Что? — Он наклоняется, и теперь его лицо в нескольких сантиметрах от моего. Пахнет виски, табаком и тем самым шоколадом. — Я единственный в этом доме кто не играет ни в какие игры. Скажи мне, Ева. Ты правда думаешь, что твой жених задерживается на работе каждый вечер?

— Не смей.

— А что — не смей? — он усмехается, но усмешка выходит злой.

— У него сегодня была важная встреча в бильярдном с Устиновым.

— В бильярдной? С Устиновым? — Руслан почти выплевывает эту фамилию. — Устинов - старый друг нашей семьи. У него подагра. Его жена пристально следит за его здоровьем. Он не выходит из дома после восьми уже лет пять.

Меня начинает потряхивать изнутри. Ладони сжимаются в кулаки. Но я не способна никого ударить. Я не такой человек. Так и буду продолжать стоять и трястись.

— Ты врешь.

— Ага, — он смотрит на мои губы. На секунду... всего на секунду его взгляд задерживается там. — Хобби у меня такое, сидеть по ночам и выдумывать очередную ложь для собственного удовольствия.

— Зачем ты это делаешь? — шепчу. Голос дрожит, и я ничего не могу с этим поделать. — Зачем ты пытаешься разрушить то, что у меня есть?

— А что у тебя есть, принцесса? — он вдруг кладет руку на холодильник рядом с моей головой. Со стороны - почти объятие, а по факту я в ловушке. — У тебя есть кольцо, которое он тебе подарил. У тебя есть комната в чужом доме. У тебя есть мама, которая плачет по ночам и пьет в одиночку. Нехилый счет в банке. И у тебя есть жених, которого ты видишь меньше, чем свою зубную щётку.

— Замолчи. Ты пьян.

— А еще у тебя есть я. Так уж получилось, что я иду в комплекте с этой семьей, — его голос становится тише. Почти шепот. — Который видит, как ты дрожишь каждый раз, когда я рядом. Который помнит, — он выдыхает мне в губы аромат виски и горького шоколада, — как ты пахнешь. Который...

— Замолчи! — Я толкаю его в грудь. Он даже не двигается. Как скала.

— Или что? — Он наклоняется еще ближе. Его губы почти касаются моего уха. — Позовешь Влада?

Зажмуриваюсь. Потому что, если я буду смотреть на него и дальше, мое сердце, удары которого и так разогнались до 200 ударов в минуту, просто не выдержит.

— Отпусти меня.

— Я тебя не держу.

Правда. Он не держит. Только рука на холодильнике и его тело, перекрывающее путь.

— Ты ничего не знаешь. И просто ему завидуешь.

— Вот значит как? — Руслан тянется рукой к моему лицу. Медленно, давая время отстраниться. Но я, почему-то этого не делаю. Его пальцы касаются моей щеки. — Как я уже говорил, мне кристально ясно, похуй кто и что обо мне думает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.